

стагфляцию. Выбираться из этой ситуации, восстанавливать разрушенное придется долго и не без потерь. Некоторый оптимизм вселяет то, что созданные за прошедшие годы точки роста уже достаточно окрепли, пустили корни и дали плоды. Фактически появилось новое, молодое поколение политологов, которое, стоит надеяться, достаточно подготовлено, профессионально и активно, чтобы развивать созданную базу.

Библиографический список

1. Лечение РАН: Владимир Фортов дал эксклюзивное интервью // Российская газета. 2015. 23 марта.
2. Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. М., 2009.

A.I. Soloviev

**Russian Political Science
in the Modern Context:
Subjective Notes**

The period of modern evolution of the home political science is evaluated. The author proves that, despite the problems of institutionalization and internal restructuring, the Russian science of politics has proved its viability and has prospects for its further development.

Key words and word-combinations: political science, institutionalization, home science, contemporary condition.

Оценивается период современной эволюции отечественной политологии. Автором доказывается, что, несмотря на проблемы институализации и внутренней перестройки, российская наука о политике доказала свою жизнеспособность и имеет перспективы дальнейшего развития.

Ключевые слова и словосочетания: политология, институализация, отечественная наука, современное состояние

УДК 32.001(470)

ББК 66.0(2Рос)

А.И. Соловьев

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ: СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ

Хорошо известно, что свой исторический «старт» российская политология приняла чуть позже своих европейских соседей. Впрочем, она смогла быстро и органично встроиться в этот интеллектуальный мейнстрим, доказав свою состоятельность и способность к зрелому научно-теоретическому взгляду на современную действительность. Ретроспективно оценивая небольшой по историческим меркам период ее современной эволюции, можно утверждать, что отечественная политология всегда стремилась отвечать на вызовы времени. На разных этапах это получалось по-разному, но упрекнуть российских политологов в застойности мышления невозможно.

Представляется, что, несмотря на проблемы институализации и внутренней перестройки многочисленных отрядов «марксистов-ленинцев», российская наука о политике все-таки состоялась и доказала свою жизнеспособность. Однако даже короткая фаза ее постсоветской истории показала отнюдь не линейную траекторию эволюции, сопряженную с трансформацией школ и направлений, стилей и методов исследований, с достижениями и неудачами. За сравнительно короткий срок в стране появились авторитетные университетские центры, осуществлены многочисленные исследовательские проекты, в ряде регионов возникли точки роста, формирующие вокруг себя сообщества молодых ученых. Конечно, нельзя не признать, что, по замечанию А.Ю. Мельвиля, таких политологических «бургорков» и «возвышенностей» на ее интеллектуальном ландшафте по мировым меркам все еще немного. Но видимо, трудно требовать большего от страны, где профессиональных политологов начали готовить всего лишь полтора десятилетия назад. Нельзя не признать и того, что развитие отечественной политической науки все еще демонстрирует догоняющий тип эволюции. По меткому выражению А.Д. Богатурова, сегодня еще не закончился «этап переводчиков», то есть тот период развития науки, когда большинство российских ученых основывают свои исследования на доступных для перевода (или переведенных) фрагментах теоретического наследия Запада (что не исключает механической, а временами и догматической интерпретации классического наследия).

Впрочем, в этой констатации современного этапа развития науки не должно быть ничего обидного для российских политологов, если вспомнить не только социально-политические условия, в которых наука поднималась и обретала свои институциональные очертания, но и современные обстоятельства развития научного знания. Ведь независимо от желания или реальных способностей ученых тематическое разнообразие и характер развития политической науки напрямую зависят и от позиции властей (усматривающих в политологии не столько экспертный потенциал, сколько инструмент легитимации), и от контактов с мировым профессиональным сообществом, и от качества той части образованного класса, которая практикует эту разновидность научной рефлексии. Понятно также, что и с чисто хронологических позиций на протяжении двух поколений невозможно освоить все современные методы изучения мира политики, которые на протяжении столетий складывались в лоне мировой науки. В связи с этим можно констатировать, что наряду с несомненными достижениями в области институализации политической науки (профессиональной подготовкой политологов в высшей школе, интенсификацией публикационной активности политологов, расширением контактов с зарубежными школами, деятельностью профессиональных ассоциаций и т.д.) здесь все еще сохраняется множество проблем. Взять хотя бы повальное сокращение в вузах преподавания политологии; сохранение униженного для университетского образования уровня профессиональной мобильности ученых; упразднение единственного академического института сравнительной политологии; стремительное сокращение численности диссертационных советов по политологии и т.д. Одним словом, такая ситуация показывает, что институциональная среда развития политологии в стране крайне слабо коррелирует с возможностями ее развития.

Развитие научного знания обладает и собственной, достаточно автономной (в том числе и независимой от институциональной среды) логикой эволюции. В конечном счете науку делают ее носители — ученые, теоретики, подвижники и популяризаторы знания. В этом смысле у российской политологии огромный потенциал. Однако следует признать, что отечественная наука все еще страдает многими «детскими болезнями», свойственными не вполне зрелым отраслям знания. В связи с этим представляется необходимым коротко остановиться на проблемах, касающихся не тематических, а содержательных аспектов эволюции науки о политике и влияющих на ее когнитивный профиль и эпистемологические основания, включая вопросы, которые относятся к носителям научного знания, то есть представителям образованного класса, вовлеченным в изучение политики.

На наш взгляд, следует прежде всего оттолкнуться от констатации того фундаментального факта, что отечественная политическая наука является формой национальной саморефлексии и инструментом объяснения социальных, властно значимых процессов. Ее практические источники заключены в особенностях функционально-ролевого поведения россиян, специфике массового смыслонаделения политических явлений, взаимосвязях сообщества граждан с властью и его взаимоотношениях с государственными институтами. Не требует особых доказательств то, что промежуточным идейным мостиком между национальным политическим менталитетом россиян (а также формами их активности в сфере государственной власти) и корпусом научных знаний является отечественная политическая мысль. Именно в этом интеллектуальном потоке первоначально выкристаллизовываются представления, влияющие на осмысление предельных аксиологических, онтологических и гносеологических оснований политики как формы особой деятельности [1, с. 20], что, в свою очередь, способствует выработке методологических позиций при ее интерпретации, а также когнитивных оснований, влияющих на отношение политологии к юриспруденции, административным и организационным наукам, философии, этике, антропологии, праксеологии, а также ряду других дисциплин.

Истоки идейного толка политической мысли России теряются в глубине веков. Однако очевидно, что временем консолидации политических представлений российских мыслителей стал XIX в., произведший буквально «взрыв» в духовной жизни общества и создавший неисчерпаемый интеллектуальный фундамент для дальнейшего развития науки о политике. Эта колыбель российской политологии, синтезируя утопии и протонаучные представления, теорию и эвристику, связала политическое знание с еще более широким полем гуманитаристики, обогащающей ее догадки и прозрения, но и подвергающей рискам беспредметного умозрения, жертвующего строгостью разума и какими-либо доказательствами.

Ретроспективный взгляд на политическую мысль России позволяет увидеть в ней явные историософские начала, общинные чувства, склонность к морализаторству, ориентацию на будущее устройство человечества (и даже «всего космоса»), постоянное недовольство сложившимся положением дел и высокую ответственность за все несовершенства жизни. Свойственные русским мыслителям восторженные поиски социальной гармонии и гносеологический оптимизм всегда сочетались с болезненными переживаниями будущего, пес-

симистической саморефлексией и даже иррационализмом. Практически через все стадии становления политической мысли прошли и извечные расколы отечественной культуры на два «враждебных склада жизни» (В.О. Ключевский): противостояние европеизированного и старомосковского стилей жизни, идей западников и славянофилов, этических коллизий свободы и справедливости, плюрализма и единоначалия, власти и подвластности, а в политическом плане еще и противостояние «красных» и «белых» или в целом «наших» и «не наших». Заложенные в этих максимах социальная и интеллектуальная энергия, креативность философического порыва передавались и передаются всем последующим поколениям политических мыслителей, ученых и интеллектуалов.

По сути, все эти корневые, ментальные и даже архетипические установки существенно повлияли на специфику *национального видения политики*, придав русской политической мысли несомненную оригинальность и показав способность отечественных ученых создавать образы политики, как выразился Ю.С. Пивоваров, «без чрезмерного подражательства и ученичества» [2] (и даже история российского марксизма по-своему подкрепляет эту тенденцию). Глубокая связь основных потоков политической мысли с отечественным менталитетом непременно сказывается и на характере многих современных исследований, на ценностных предпочтениях ученых, их интерпретационных картинах мира политики. Однако эти интеллектуальные цепочки, соединяющие прошлое и настоящее, сегодня имеют явно неоднозначные последствия. С одной стороны, неизбывность традиций философической политической рефлексии обуславливает повышенную чуткость к национальным формам политической активности, ментальным основаниям функционирования институциональных структур, особенностям позиционирования власти и взаимоотношений государства и гражданского населения. Не случайно многие теоретические модели — и в прошлом, и в настоящем — постоянно воспроизводят классические художественные образы, философско-религиозные искания, утопии и мифы, холистские и упаднические настроения, а также иные экзотические интеллектуальные построения, которые усложняют видение политической реальности, но в большинстве своем остаются в рамках рациональной формы познания. С другой стороны, внутренняя установка на воспроизводство особого типа политической рефлексии, традиций и специфики Российского государства провоцирует множественные aberrации научного знания, прежде всего связанные с желанием привести власть в государстве к «должной» моральной норме, кардинальным образом исправить общественную (политическую) систему и в особенности утвердить специфический путь исторического развития России.

В результате такого **искажения гносеологических оснований анализа** многие современные теоретики переполняют свои работы мессионерскими и имперскими проектами, демонстрируют рецидивирующую склонность к идеализации и сакрализации неконвенциональных политических практик, формулируют непререкаемые политические аксиомы, гиперболизирующие «особый» (третий) путь отечественного развития и обосновывающие готовность Российского государства преподавать «уроки» остальному миру. В русле таких установок **идеологически продвинутые «политологи» стремятся превратить признание «цивилизационных кодов» отечественного развития в признак полити-**

ческой благонадежности ученых, а «евразийскую» школу в единственный и непререкаемый идеал научного знания. Впрочем, их идейные оппоненты столь же напористо предлагают модели, исполненные в жанре остро критического и часто нерационального отношения к власти. В свою очередь, идейный синтез идеологических противников нередко проявляется в интенсивном развитии криптологических и конспирологических моделей, уже успевших завести себе «классических» представителей в российском дискурсе.

Уже упоминавшаяся интерференция общественного сознания и культурный раскол общества провоцируют ожесточенность теоретического дискурса, жесткое противостояние сторонников одних позиций (с их желанием «давить и не пущать») и их оппонентов (не скрывающих своей приверженности к «революции» и «пугачевскому бунту»). В практическом измерении все это подпитывает в идейной среде неизживаемые традиции большевизма с его максимами — «прежде, чем объединяться, надо размежеваться» — или требованиями поражения «своего правительства» в тех или иных конфликтах. Приходится признавать и то, что жесткость теоретического соперничества непременно ведет к выходу оппонирования за академические рамки, к перманентному использованию уловок и лжи, наветов на конкурентов и прочих инструментов околонучного дискурса. Все это свидетельствует о самом массовом и зловредном для отечественной науки заболевании, а именно — о ее идеологизации.

Строго говоря, в основе этой интеллектуальной деформации лежит трансформация естественного для политического знания вербального (оценочного) компонента в источник одностороннего профилирования суждений и представлений (что невольное или намеренно искажает результаты отражения мира политики). Другими словами (даже если мы возьмем традиционные физикалистские модели), вместо соотнесения объективных диспозиций общественных сил и оценки их властно значимых интересов (стратегий, ресурсов, а также связанных с ними мотивационных, ориентационных и аффективных компонентов, действующих в определенной внутренней и внешней среде) сторонниками околонучных дискуссий предлагаются теоретические схемы и доводы, заранее отдающие приоритет определенным политическим игрокам и их позициям.

Понятно, что идеологические подходы и настроения не только подрывают достижение — даже не консенсуса, а — сугубо теоретической конвенции по определенным вопросам политического развития общества. И это неудивительно, ибо сторонники таких подходов пытаются защищать те или иные позиции, а не искать истину. Поэтому пафос противостояния врагам и противникам рассматривается как органический признак профессиональной деятельности ученого, предполагающий неприятие и отчуждение неприемлемых (любых других) взглядов оппонентов. Не случайно в тогу политологов рядятся сегодня и пропагандисты, и чиновники, и карьеристы, и откровенные проходимцы, и даже религиозные проповедники, которые, втаптывая в грязь своих оппонентов, одновременно выступают в качестве экспертов, «знающих» подлинные пути достижения верных результатов. Представляется, что глубинная причина такого положения — в травматическом характере профессиональной идентичности политологов, многие из кото-

рых до сих пор искренне считают себя «проводниками линии партии» («патриотами», «защитниками правого дела» и т.п.), обязанными сражаться «на баррикадах», защищая подлинную — свою! — правду от «ревизионистов», «оппортунистов», «внутренних иммигрантов», врагов «народного сознания», «национал-предателей» и прочей «нечисти».

Помимо существенных деформаций научного знания, идеологизм (и политическая пропаганда как ее важнейший инструмент) как профиль политического знания существенно влияет и на *качества* многих своих носителей. С прискорбием приходится констатировать, что **этот мыслительный стиль усиливает весьма характерный для отечественного менталитета сервиллизм, угодничество, готовность исследователей политики «обслуживать» любые проекты властей предержащих**, несмотря на их направленность и содержание. В такой атмосфере процветают зависть и недоброжелательство, заставляющие даже усматривать в персональных достижениях или показателях научной активности оппонентов «происки Запада». **К сожалению, можно видеть, как сегодня в ряде вузов целые кафедры отдаются на откуп представителям сервилно-идеологического знания, профанирующим учебный процесс и превращающих академические штудии в элементарную политинформацию.** Ну а тематическим подкреплением такой тенденции можно считать и организацию «просветительских» визитов штатных «патриотов» в высшие учебные заведения.

Нередко нынешние политические интеллектуалы забывают, что задача науки состоит в объективной оценке происходящего, демонстрации интересов и позиций конкурентов за власть независимо от того, нравятся это властям предержащим или же нет. Ведь не боялся же (в жесткие советские времена) профессор А.М. Емельянов ставить вопрос о голоде в СССР, академик Ю.С. Пивоваров (будучи аспирантом) — открыто критиковать брежневский режим, профессор А.С. Панарин — бескомпромиссно отстаивать идеалы свободы. К сожалению, в наше время ученых, стремящихся открыто и корректно говорить о политических проблемах общества, становится все меньше и меньше... Вместе с тем **подлинной вершиной, олицетворяющей идеологизацию научного знания, по праву можно считать деятельность «теле-политологов»,** не брезгующих ни манипулированием, ни дезинформацией (ни элементарной саморекламой). Печально также, что, помимо вымывания собственно научных подходов из своих политических «истин», эти теоретики в немалой степени способствуют разжиганию напряженности в общественном мнении, снижая тем самым возможности консолидации государства и общества. Одним словом, под давлением идеологии пока еще слабо защищенная от таких наскоков политическая наука (и ее представители) смещается в некую приграничную интеллектуальную зону, подчас торпедирующую даже здравый смысл.

Свое — и тоже отрицательное — влияние оказывает на политическую науку и технократическое мышление. Здесь мы сталкиваемся с той же, по сути, ситуацией: возможность использования количественного инструментария для адекватной оценки ряда политических процессов

превращается в *универсальный* способ отображения и прогнозирования политики. В этом смысле средства урегулирования любого конфликта и даже путь к «светлому будущему», по мнению приверженцев этого подхода, зависит только от найденного и оцифрованного алгоритма действий, качества применяемой аппаратуры, технической оснащенности кадров. Таким образом, к примеру, сложнейшая кооперация действий различных игроков при выработке государственной политики сводится к примитивным шаблонам нормативно регламентированного процесса, оставляя тем самым смысл и загадку этого сложного явления на обочине здравого смысла. И как бы это ни было печальным, но такой примитивизм тоже имеет своих адептов, причем обладающих определенным влиянием на интеллектуальную атмосферу.

Следует отметить еще один особый источник, травмирующий тело политической науки, в качестве которого выступает гражданский дискурс, **предлагающий бытовые версии политики и — при помощи массмедиа — утверждающий вместо аналитических подходов принципы бытования, не заинтересованного в поиске истины.** В результате в научном дискурсе формируется целый конгломерат «пустых» понятий, категорий с неопределенным содержанием, многозначных и противоречивых терминов, то есть тех интеллектуальных фейков, которые мистифицируют и разлагают научное знание.

Под давлением всех этих факторов отечественная наука постоянно воспроизводит некую сумеречную зону интеллектуальных контактов с идеологическими и бытовыми мыслительными конструкциями, с трудом сохраняя свое академическое ядро. **Одновременно такая ситуация порождает и очаги местечковой политологии (не имеющей никакого отношения к территориальному расположению),** демонстрирующей незнание научных положений и проповедующей самодельность как принцип развития интерперсонального знания. В этом контексте в стране складываются даже **«гнезда позора»**, аттестующие принципиальный поворот некоторых структур и фигур к откровенной пропаганде.

Итак, российская наука сегодня — это не только и не столько разнообразие школ, университетских и академических центров, демонстрирующих разные скорости развития политической науки, но во многом и набор тех академических конструкций, которые отчаянно борются с враждебными для нее пропагандистско-идеологическими и мифологическими идеями, противостоя давлению обыденности и пытаясь сохранить свои академические очертания. Даже признавая, что пока социальные инвестиции политологии — и в общественное сознание, и в систему государственного проектирования — весьма и весьма ограничены, можно утверждать, что приток в науку молодых квалифицированных ученых сохраняет надежду на позитивные перспективы и неуклонное развитие науки о политике.

Библиографический список

1. *Миронова Д.* Политическая философия. М., 2014.
2. *Пивоваров Ю.С.* Русская политическая мысль как предпосылка русской политической науки // Политическая наука. 2011. № 3. С. 50–63.